

Плохие предчувствия терзали стоящего у руля капитана, когда они вынужденно оказались в тумане. Его команда состояла сплошь из опытных моряков, да и сам он к своим немалым годам побывал не в одном плавании, а потому, казалось бы, опасаться нечего. И всё же интуиция редко подводила старика, а потому он вглядывался в молочно-белый воздух, силясь рассмотреть хоть луч света.

Выплыть из тумана он планировал до захода солнца. Его внимание было сосредоточено на том, что происходит впереди, за носом корабля, что не мешало ему прислушиваться к разговорам притихшей в тревожном ожидании команды. Какому-то умнику пришло в голову, что разбавить скуку будет неплохо старыми морскими байками и легендами. Как будто и без того недостаточно напряжённой атмосфера была. Капитан мог бы похвастаться тем, что знал все легенды, передающиеся между моряками, но понимал, что знать каждую легенду невозможно. Суеверные люди постоянно придумывали что-то новое, и уже нельзя было отличить

правду от вымысла. И всё же старик придерживался позиции доверять, но проверять. Никогда не знаешь, с чем столкнешься в следующем рейсе.

– Я слышал, неподалеку от того места, где мы вошли в туман, есть ущелье, – доносился до капитана голос боцмана. Вот уж кто главный любитель всего, что пострашнее. Запугать очередного юнгу было его любимым делом. Но в этот раз на корабле не было мальчишек, и боцман откровенно скучал. Сейчас же у него появилась возможность развернуться на полную. – Воды в том ущелье темнее ночи, а солнце не проникает внутрь даже в самые ясные дни. И, когда шторм далеко, ветер выносит из этого ущелья звуки пения. Говорят, там живёт русалка. Или не русалка, а какая другая тварь. Сладкоголосая, ясноглазая, прикидывается юной де-вой, и в её пении многие слышат мольбы остаться с ней, быть её мужем, единственным возлюбленным – как полагается, полный набор. Вот только едва поддашься чарам, утащит на дно, и останешься ты в её владении навечно. И душу она твою не отпустит, станет её владычицей – ты же сам себя ей подарил. Все корабли, что входили в это ущелье, выходили из него опустевшими – никого русалка не оставляет в живых. А ущелье это называется, коли память не обманывает, «Ущельем Лорелей». По имени этой русалки.

– А я слышал, – капитан уже не вдумывался, чей это был голос. Боцман договорить не успел, как в команде начались тихие обсуждения, правда это, или же нет. И не мудрено. Одно дело, когда на берегу в портовом трактире какой-то пьяный чудак рассказывает про далёких морских чудовищ, но совсем иное – когда история о чём-то, что совсем рядом с тобой. О чём-то, что может коснуться лично тебя. Капитан нахмурился. Кажется, вокруг стало темнее. – Русалка эта когда-то была настоящей девушкой, живой. Красивее всех девушек, живших когда-либо. И озлобилась она, потому что возлюбленный предал её, на сторону ходил. Бросилась в воду со скалы от отчаяния. Ну и морской бог, пожалев девушку, сделал её злым духом, топящим корабли. Вроде бы, верных мужей она не трогает.

– А неженатых она тоже убивает? – команда рассмеялась было, но быстро затихла. Никто из них не был женат, и в этот миг стало ещё тревожнее. К тому же, не только капитан заметил, что стало темнеть. Такой сумрак в такой ранний час – не к добру. До захода солнца не меньше шесть часов, да и на приближающийся шторм не слишком похоже. Туман начал расходиться, и сквозь теряющую плотность белизну стали различимы скалистые стены с обеих сторон от корабля. Вода за бортом потемнела.

Кто-то горячо выругался. Кажется, это был боцман. Веселиться

было неуместно, но капитан невольно усмехнулся, подумав о том, что этот любитель напугать других на самом деле оказался первым трусом. Мысль проскользнула и исчезла мгновенно, а туман тем временем рассеялся окончательно. Корабль шёл в узком ущелье. Повернуть назад не было шанса, и, как бы тревожно ни было, приходилось продолжать путь вперёд. На предложение рулевого занять его место, старик ответил коротким отказом. В навыках рулевого он не сомневался, но сейчас чувствовал, что обязан остаться там, где стоит. И тут со всех сторон послышалось пение. Отражаясь эхом от скал, оно постепенно набирало силу, становясь всё громче, почти оглушая. Стоило прозвучать первым звукам ласкающего слух голоса, тревога команды моментально сошла на нет. Несмотря на то, что буквально несколько минут назад матросы слушали легенду о поющем духе, что топит корабли и убивает людей, теперь все они с выражением блаженства на лицах отдались прекрасной мелодии. Не двигаясь с мест, они озирались, высматривая источник звуков, но не видели его. Когда же стало совсем темно от того, что вход и выход в ущелье оказались недостижимо далеко, а скалы плотно сомкнулись над головой, на носу корабля возник испускающий свечение силуэт.

Стоя на мостике, капитан с безмолвным ужасом в глазах наблюдал за тем, как один за другим его команда, очарованная светом и пением, подходит к краю палубы и переступает через неё, падая в тёмную воду. А среди них неторопливо, выводя сладкую мелодию прекрасным голосом, идёт она. Сияние золота глаз видно даже издалека, и этим взором она приковывает капитана к месту. Впрочем, он и не собирался бежать. Даже если бы захотел – куда? Вокруг проклятое ущелье, а за ним бескрайний океан, который никому не преодолеть вплавь. Изящные покачивания тёмных, почти чёрных локонов притягивают взгляд не меньше, чем её глаза. Словно цвет её волосам дают сами воды ущелья, скрытые от солнечного цвета. Старик почему-то, слушая легенду о Лорелей, представлял её светловолосой, но сейчас позабыл о былых мыслях, рассматривая девушку.

Вопреки ожиданиям любого, одета она была не в полупрозрачные ткани, но всё же её длинное лёгкое платье подчёркивало детали чарующей фигуры. Каждый её шаг и движение, каждая деталь внешности соответствовали фантазиям капитана об идеальной женщине. Он готов был поклясться – будь Лорелей обычным человеком, а не иллюзорным духом, обманывающим мысли, он не раздумывая взял бы её в жёны. Дева же тем временем подходила всё ближе, словно смакуя каждый миг пребывания на корабле. Она будто знала, что капитан судна – самый лакомый кусочек, потому как сопротивлялся её чарам сильнее остальных. Закалённый океаном, старик повидал много, а слышал и того больше, и потому сейчас от-

чаянно не поддавался, как бы прекрасна и идеальна ни была девушка. Всё так же медленно она поднялась на мостик и протянула руки к капитану. Песня продолжала звучать, хоть рот её был закрыт, а губы ласково улыбались. Так улыбаются близкому человеку – своей матери, возлюбленному, ребёнку. Капитан вынул саблю из ножен, направив её в грудь девы, предупреждая дальнейшее приближение. Но она, чувствуя неуверенность, взяла его за сжимающую оружие руку, дрожащую не то от страха, не то от предвкушения, и мягко забрала клинок. Последняя линия обороны пала, и старик закрыл глаза. Это плавание было его последним.

Закатное солнце опускалось в волны, окрашивая их оттенками красного и оранжевого. Безоблачное небо растянулось бескрайним полотном над водой, и первые звёзды начинали постепенно проявляться, чтобы совсем скоро стать ориентирами, картой на небе. Едва заметный ветер плавно покачивал океан и, пролетая сквозь ущелье, будто доносил звуки пения и криков. Конечно же, услышь их кто сейчас, несомненно бы решил, что это лишь иллюзия. Медленно, ведомый слабым ветром, из ущелья выплыл корабль и, оперевшись в скалы, застыл. Все, кто плыл на нём, навсегда остались в ущелье Лорелей. Их беспокойные души, привязанные к лежащим на дне телам, обречены вечно метаться среди камней и надеяться, что призрачные крики смогут отпугнуть другие корабли от проклятого места.

А пока шторм не разыгрался, и воды спокойны, Лорелей продолжит петь им.